Дмитрий ТРАВИН

Пер Альбин Ханссон. Эра благоденствия

После завершения Первой мировой войны, породившей революции в России, Германии, Венгрии, а также гражданское противостояние в Финляндии, Ирландии и позднее в Испании, общество, как никогда ранее, испытывало потребность в идеологии классового мира и национального единства. В этой ситуации появилось два политика, предложивших свои подходы к новому мироустройству. Одного звали Бенито Муссолини, другого - Пер Альбин Ханссон.

Строитель Дома

Итальянец Муссолини предложил фашистское государство, основанное на корпоративистской экономике, в которой капиталисты и рабочие сотрудничают ради возрождения национального величия, а агрессивность бедноты, не имеющая выхода в классовой борьбе, выплескивается наружу через завоевания соседних земель. Муссолини порвал с социалистами, отверг демократию, сделал упор на авторитаризм и стал благодаря этому известен всему миру. Созданное же им государство не просуществовало и четверти века.

Швед Ханссон предложил теорию "Народного дома", согласно которой капиталисты и рабочие должны были сотрудничать примерно таким же образом, как в корпоративистской экономике, да и государство так же, как в системе Муссолини, брало на себя функции, невиданные по сравнению с временами либерализма XIX столетия.

Однако у социал-демократа Ханссона преобразование общества основывалось на принципах демократии, внутренний классовый мир не порождал никакой внешней агрессивности, а предлагаемая правящей партией концепция переустройства общества не имела тенденции к превращению в тоталитарную идеологию. В системе Ханссона личности "отца народа" отводилась весьма скромная роль, и хотя он практически бессменно занимал пост премьер-министра целых 14 лет до самой смерти, сегодня имя Пера Альбина не известно почти никому за пределами Швеции.

Пожалуй, даже среди шведских политиков XX века он значительно менее популярен, чем, скажем, Рауль Валленберг, Даг Хаммаршельд и Улоф Пальме. Но шведский социализм, который он построил, оказался одной из наиболее прочных политико-экономических моделей минувшего столетия. И потому у себя на родине Пер Альбин, пожалуй, остается единственным человеком, который наряду с монархами известен просто по имени. Ханссонов много, но Пер Альбин один.

Более того, фактически именно со шведской социал-демократии берет начало то, что ныне во всем мире принято называть государством всеобщего благосостояния (или благоденствия). Это понятие было использовано другом и соратником Ханссона Густавом Меллером еще в 1928 г., т.е. задолго до того, как оно прижилось в других западных странах. В результате шведский социализм оказался наиболее ярким, последовательным воплощением того подхода,

который после Второй мировой войны был использован во всем цивилизованном обществе без исключения.

Основы государственного патернализма в Европе закладывались еще в XIX веке - сначала Наполеоном III во Франции, а затем Отто фон Бисмарком в Германии, причем у железного канцлера система приняла по-настоящему развитые формы. Тем не менее, то, что происходило в XIX веке, вряд ли можно было назвать в полной мере строительством государства всеобщего благоденствия, поскольку "благодеяния" изливались на народ сверху исключительно для того, чтобы тот не слишком активно напирал на элиту снизу.

Примерно то же самое можно сказать и об английской социальной реформе начала XX века, осуществленной либеральным правительством, в котором тон задавали премьер-министр Герберт Асквит и канцлер казначейства Дэвид Ллойд Джордж. Лейбористы тогда ворвались в парламент и тем самым заставили либералов, в общем - то чуждых идеям социализма и уравнительности, действовать в новом для себя ключе. Однако в полной мере заинтересованными в формировании государства всеобщего благосостояния могли быть, естественно, только социал-демократы, представлявшие широкие народные слои, но, в отличие от коммунистов, не мечтавшие о полном социальном переустройстве.

К власти социал-демократы стали приходить сразу после Первой мировой войны, однако у этого поколения, представленного, например, Фридрихом Эбертом в Германии, Карлом Реннером в Австрии, Яльмаром Брантингом в Швеции и др., была задача, скорее, не созидательная, а охранительная. Требовалось удержать народ от радикальной революции и предоставить возможность обществу нормально существовать на демократических началах. Времени для осуществления масштабных преобразований история этому поколению не отпустила.

Перед следующим же поколением социал-демократии, пришедшим к власти в 30-е гг. на гребне Великой депрессии, стояли уже новые задачи. Ханссон, родившийся в 1885 г., принадлежал именно к этому поколению и волей судьбы остался практически единственным, кому действительно удалось реализовать задуманное. Волна правого радикализма и последовавшая за ней Вторая мировая война поставили крест на социал-демократическом эксперименте во всей Европе за исключением нейтральной Швеции.

Пожалуй, только Франклин Рузвельт за океаном в рамках своего "нового курса" успешно двигался в направлении государства всеобщего благосостояния. Но позднее, в 50 - 60-х гг. американские масштабы продвижения оказались несопоставимы со шведскими, поскольку социал-демократии в США практически не имелось, а традиции индивидуализма были намного более крепкими, чем в Европе.

Успешный предвоенный старт дал Швеции возможность закрепить достигнутое в послевоенный период и создать такую систему, в которой масштабы перераспределения от богатых к бедным не имели себе равных. Вплоть до конца столетия Швеция, в отличие от тэтчеровской Англии и рейгановских США, так и не породила сильной оппозиции идее государства всеобщего благосостояния.

Фундамент дома, заложенный Ханссоном, оказался одним из наиболее крепких фундаментов XX века.

Социал-бюрократ

Пер Альбин (как, кстати, и Муссолини, бывший лишь на два года старше Ханссона) родился в Мальме в рабочей семье и окончил всего-навсего четырехлетнюю школу, после чего трудился то мальчиком на побегушках, то складским служащим до тех пор, пока не примкнул к создававшемуся в 1903 г. молодежному социал-демократическому движению. Здесь он быстро сделал карьеру партийного журналиста (опять-таки как и Муссолини), возглавив в 1905 г. газету "Фрам", что в переводе на русский означает "вперед", а в переводе на итальянский - "аванти" (газету итальянских социалистов "Аванти!" Муссолини стал редактировать с 1912 г.).

Удивительное сходство с биографией будущего лидера итальянских фашистов вполне объяснимо - всех молодых рабочих интеллектуалов этого поколения (от крайнего севера Европы до крайнего юга) "штамповали" как бы из одной социалистической формы. Однако по мере того, как эти люди взрослели, все более заметными становились и различия.

Пер Альбин не воевал, не менял свою партию, не формировал отряды штурмовиков. В теоретическом плане он с молодости был сторонником умеренного марксизма Карла Каутского (который в зрелые годы Ханссон еще более "умерил"), а в практическом - он был активен, помимо социал-демократической деятельности, лишь в движении за трезвость.

Ханссон редко склонялся к радикализму. Пожалуй, лишь его намерение заменить монархию республикой, выдвинутое на волне русской революции 1917 г., разошлось с умеренным подходом Брантинга. Обычно же Ханссон сам урезонивал других.

И в личной жизни Пер Альбин был демократичен, но отнюдь не столь радикален, как любвеобильный Муссолини. В 20 лет он сошелся с Сигрид Вестдаль и жил с ней вне брака на протяжении всей жизни - за исключением периода с 1918 по 1926 гг., в течение которого он был расписан с другой женщиной. От обеих дам у него были дети.

Словом, Ханссон делал обычную бюрократическую карьеру, и самыми серьезными испытаниями на его пути становились внутрипартийные дискуссии, в которых приходилось давать отпор переходившим постепенно на коммунистические позиции соратникам с их склонностью использовать непарламентские методы давления на власть. С либералами же, напротив, он был в неплохих отношениях, полагая, что у этой "буржуазной" партии, выступавшей за предоставление народу все более широких избирательных прав, есть много общего с социал-демократами.

С 1908 г. Пер Альбин был уже лидером молодых социал-демократов и членом национального комитета партии. Однако вскоре он проигрывает битву за власть в молодежной организации более радикальному Цету Хеглунду и по просьбе Брантинга переезжает в Стокгольм, где в 1914 г. становится председателем городской парторганизации. В 1917 г. он меняет Брантинга на посту редактора

главной партийной газеты "Социал-демократ" и одновременно получает мандат депутата Риксдага.

После введения в 1909 г. всеобщего избирательного права для мужчин социал-демократы неуклонно наращивали свой политический вес, и в 1920 г. Брантинг впервые сформировал правительство. Затем на протяжении 20-х гг. социал-демократы еще два раза возвращались к власти, и Ханссон каждый раз принимал на себя обязанности министра обороны. В отличие от "ястреба" Муссолини, использовавшего власть для наращивания вооружений своей страны, Ханссон стал "голубем", уже тогда поддержав сокращение военных расходов ради увеличения ассигнований на социальные нужды.

К моменту своего сорокалетия Пер Альбин был видным человеком в Швеции, но не более того. На фоне десятков ярких политиков авторитарного склада, сформировавшихся к тому времени в Европе, Азии и Америке, Ханссон смотрелся весьма бледно. Ничто не предвещало его дальнейшей экстраординарной роли. Но судьба оказалась благосклонна к нему и дала шанс, которым шведский социал-демократ умело воспользовался.

Радикальный перелом в жизни Ханссона случился после 1925 г., когда Брантинг скончался, и руководство в партии перешло к новому поколению политиков. Пер Альбин не был харизматиком и сразу столкнулся с сильной оппозицией. Дело доходило даже до того, что "Социал-демократ" отказывался печатать его опусы. Лишь с большим трудом к 1928 г. он закрепил за собой лидерство, причем его продвижение было не столько проявлением воли широких партийных масс, сколько результатом соглашения в верхах, предпочитавших не допускать до власти радикала Хеглунда.

В том же году, когда Пер Альбин стал председателем партии, состоялись очередные выборы. Они ознаменовались серьезным поражением социал-демократов, которые хотя и остались ведущей парламентской фракцией, но потеряли 14 мест в Риксдаге. Программа социал-демократов была безликой, штампованной, содержащей рецидивы неприемлемого для Швеции радикализма, и рабочие, на которых опиралась партия, отдали значительную часть своих голосов "ставленникам буржуазии", показав тем самым, что все классовые границы весьма относительны.

В иной ситуации Ханссон, наверное, потерял бы лидерство и остался на всю жизнь малозначимым партийным бюрократом средней руки. Но в условиях Швеции конца 20-х гг. поражение лишь стимулировало кардинальный пересмотр всего теоретического наследия, доставшегося партии от германской и австрийской социал-демократии, долгое время являвшейся для шведов своеобразной моделью.

Ревизионист

Уже в 1929 г. Ханссон публикует программные статьи, в которых доказывает, что суть социал-демократического движения состоит не в битве с буржуазией, а в удовлетворении интересов общества в целом. Термин "народ" заступает теперь место марксистской категории "класс", понятие "сотрудничество" вытесняет всякие разговоры о классовой борьбе, идея об экспроприации экспроприаторов

отвергается в пользу системы государственного регулирования экономики. Частная собственность перестает быть плохой сама по себе. Она теперь плоха лишь в том случае, когда излишне сконцентрирована в руках узкой группы лиц. В ортодоксальном марксизме пролетариат, как известно, не имеет отечества. Ханссон же сделал патриотизм, уважение к национальным символам одной из составных частей своей концепции "Народного дома".

Маркс, наверное, перевернулся бы в гробу, узнай он о столь "творческом" развитии его учения, предпринятом скромным шведским социал-бюрократом, не сильно образованным и не очень-то склонным к написанию пухлых теоретических томов.

Однако практика, по Марксу, - критерий истины. Уже в 1932 г. социал-демократы на основе своего нового внеклассового подхода добились очередного успеха, доказав тем самым, что они пошли по правильному пути.

Значение поворота состояло отнюдь не в том, что за социал-демократов стал голосовать весь народ. Напротив, влияние партии вне рабочего класса по сей день остается не столь уж большим. Главное другое - наследников марксизма перестали считать внесистемной силой, что повлекло за собой два важных последствия.
Во-первых, за них стали голосовать рабочие, не склонные к радикализму. Во-вторых, "буржуазные партии" и предприниматели увидели в социал-демократах нормальных партнеров, которым можно доверять власть. Лидеры правых сами рекомендовали королю назначить социал-демократическое правительство, и Ханссон в 1932 г. впервые стал премьер-министром, не обладая при этом даже абсолютным большинством голосов в Риксдаге.

Насколько Пер Альбин попал в точку со своим политическим маневром, стало очевидно через два года, когда вышла в свет книга Альвы и Гуннара Мюрдалей "Проблемы кризиса народонаселения", произведшая в обществе настоящий фурор. Выяснилось, что рождаемость у шведов катастрофически падала, и во весь рост встал вопрос о спасении маленькой нации от грозящей ей деградации. Классовое противостояние окончательно вышло из моды. Широкомасштабная социальная политика должна была теперь способствовать "расширенному воспроизводству племени", и социал-демократы благодаря этому оказались выразителями мыслей и чаяний буквально всей Швеции.

Народу надо было дать денег. Эрнст Вигфорс - министр финансов в правительстве Ханссона - считается первым в мире кейнсианцем, проводившим политику стимулирования экономики за счет расширения социальных расходов еще до того, как сам Джон Мейнард Кейнс опубликовал свой эпохальный труд, заложивший основы системы широкомасштабного государственного регулирования.
Впрочем, при проведении новой социальной политики Ханссон и Вигфорс были сравнительно умеренны. Неумеренные блага и неумеренное налогообложение стали результатом деятельности социал-демократов уже в послевоенный период.

Пер Альбин полагал, что одной из причин поражения партии в 1928 г. стало требование введения высокого налога на наследство. Поэтому в 30-х гг.

социально-экономические нововведения, в основном, ограничились хорошо оплачиваемыми общественными работами, сельскохозяйственными субсидиями, детскими пособиями, начальными мерами по развитию массового жилищного строительства, небольшим пособием по безработице и небольшим повышением пенсий.

Главным же толчком к наметившемуся росту благосостояния стали отнюдь не социальная политика и не финансовые манипуляции Вигфорса. Швеция преодолела кризис за счет девальвации, проведенной еще в 1931 г. находившимися тогда у власти правыми. Ханссон воспользовался тем, что благодаря развитию экспортных производств страна вышла из Великой депрессии и создала тот продукт, который можно было легко подвергнуть перераспределению в целях "воспроизводства племени".

В ходе двух следующих избирательных кампаний партия Ханссона увеличила отрыв от политических конкурентов, заняв к 1941 г. более половины мест в Риксдаге. Это было поистине триумфальное шествие, столь контрастирующее с политическими тенденциями, проявлявшимися в средней и южной Европе. Но самым удивительным было, впрочем, другое. По мере того, как усиливались позиции социал-демократов, шведские правительства все дальше уходили от, казалось бы, столь естественной в подобной ситуации однопартийности.

Объединяй и властвуй

Пер Альбин отвергал известный со времен Древнего Рима принцип "разделяй и властвуй", поступая на практике прямо противоположным образом. Альянсы как внутри партии, так и на общенациональной арене неизменно приносили ему успех. Порой его даже критиковали за то, что бывший мальчик на побегушках слишком много времени проводит в компании представителей деловой элиты страны.
В 1936 г. Ханссон создал коалицию с аграриями, а к началу Второй мировой войны включил в свое четырехпартийное правительство и "представителей буржуазии". Это был блестящий ход. При полном доминировании социал-демократов в практической политике обществу давался наглядный пример строительства "Народного дома" на основе классового мира. Зажатая между схлестнувшимися в чудовищной схватке монстрами маленькая Швеция демонстрировала уникальный пример внутренней солидарности. Впрочем, мировая война на практике, скорее, способствовала успехам шведской социал-демократии, нежели угрожала им. Ханссон столь же блестяще воспользовался обострением внешнеполитической обстановки во внутриполитических целях, как ранее он сумел поражение 1928 г. и демографические проблемы страны использовать для завоевания власти.

Дипломатические отношения с Германией Ханссон поддерживал до 7 мая 1945 г., т.е. до самого момента ее капитуляции. Когда профсоюзы призвали к экономическому бойкоту нацистов, социал-демократы отвергли сей шаг как неразумный. В итоге шведские железные дороги перевозили немецкие войска и грузы от норвежской границы к финской, а шведская промышленность активно работала для нужд рейха. Примерно четверть всей германской железной руды, столь необходимой для производства оружия, поставлялась из Швеции. Лишь в

середине 1943 г., когда ветер явно задул в иную сторону, поставки начали переориентироваться на Англию и США.

Все это выглядело не пособничеством нацизму, а вполне оправданным компромиссом, необходимым для спасения нации. Но все же, как ни трактуй тактику Ханссона, он в итоге оказался, пожалуй, самым лояльным к нацизму социал-демократом в истории Европы, что зачастую раздражало даже его коллег. В 1944 г. министр торговли Герман Эрикссон записал в своем дневнике: "Прискорбно, что наш дорогой премьер-министр движим безотчетным страхом перед немцами. Бедная страна!"

Швеция строила свой "Народный дом" в том числе и с использованием того железа, которое обрушивала Люфтваффе на советские города. При этом в непосредственных отношениях с Советским Союзом Ханссон был крайне осмотрителен. Когда после подписания пакта Молотова - Риббентропа Сталин задумал отхватить изрядный кусок у Финляндии, Швеция не стала вмешиваться в конфликт, хотя тысячи шведов требовали поддержать соседа, и у министра иностранных дел Рикарда Сандлера имелся даже план заключения с Финляндией оборонительного союза. В итоге финны сражались в одиночку и пали жертвами явного неравенства сил.

Политика нейтралитета, представлявшая собой на практике политику объединения с сильным, позволила Швеции выйти из Второй мировой войны, пожалуй, менее ослабленной, чем любое другое европейское государство. Что же касается лично Пера Альбина, то он к 1946 г. фактически был уже отцом народа. Его уважала вся страна, и если даже бизнес подвергал атаке экономическую политику социал-демократов, критические стрелы были направлены, скорее, на Вигфорса и Мюрдаля, нежели на Ханссона.

Однако пожать плоды всенародной любви отец народа уже не успел. **6 октября 1946 г. он скончался от сердечного приступа прямо в трамвае, на котором премьер-министр обычно добирался с работы домой.**

А в это время в Швеции уже начиналась невиданная по европейским меркам эра благоденствия. Пролетариат, о котором Маркс и Энгельс сто лет назад говорили в "Манифесте", что ему нечего терять, кроме своих цепей, обживался в новых комфортабельных квартирах, начинал пользоваться услугами бесплатной системы здравоохранения и готовился провести старость с пенсиями, обеспечивающими такой уровень благосостояния, который не снился даже высокооплачиваемым рабочим в те суровые годы, когда Пер Альбин еще только приходил к власти.

Впрочем, через четверть века выяснилось, что привыкшая к равенству и благоденствию Швеция попала в ловушку. Государство поглощало все больший объем ресурсов, передаваемых от богатых к бедным в "дырявом ведре". Через дырки значительная часть благ утекала на содержание все разраставшегося государственного аппарата. Экономика теряла свою эффективность, но общество уже не хотело кардинальным образом менять систему, созданную в свое время отцом нации Пером Альбином Ханссоном.